

Кабаков Александр
(Ильинский)

22.10.03

Александр Кабаков: По происхождению я советский итээровец и горожанин

АВТОРУ ЗНАМЕНИТОГО «НЕВОЗВРАЩЕНЦА» — 60

Рез. Москва
— 2003 —
— 22 окт. —
— с. 6

— Вы недавно вернулись с Франкфуртской книжной ярмарки. Наша нынешняя литература была представлена там весьма внушительно...

— Насколько я знаю, российские писатели на ярмарке особым спросом не пользовались. Исключение составлял лишь десяток молодых раскрученных авторов (я говорю о серьезной литературе).

— В свое время ярким литературным событием оказался ваш «Невозвращенец». На следующее утро после его выхода в свет вы проснулись знаменитым?

— Я не предполагал, что успех будет столь оглушительным. Более того, не надеялся на публикацию. В разгар гласности и перестройки я написал роман о том, что все эти новации закончатся катастрофой. Цензура, которая тогда еще работала, не хотела его выпускать. Но я не обольщаюсь насчет этой вещи. Просто я попал в нужное время в нужное место. Мой первый роман «Ударом на удар, или Подход Кристаповича», а также «Сочинитель», «Самозванец» и «Последний герой», что вышли после «Невозвращенца», с точки зрения литературы намного интереснее.

Кстати, в них тоже были политические предвидения и прогнозы, которые так понравились в «Невозвращенце». «Сочинитель» вышел буквально в дни августовских событий 1991 года, которые там довольно точно описаны. В «Самозванце» речь шла о перерождении так называемых демократов первой горбачевской волны в примитивных охотников за остатками партийного золота. Но на эти совпадения уже никто не обратил внимания.

— Какое из сочинений вы считаете наиболее удачным?

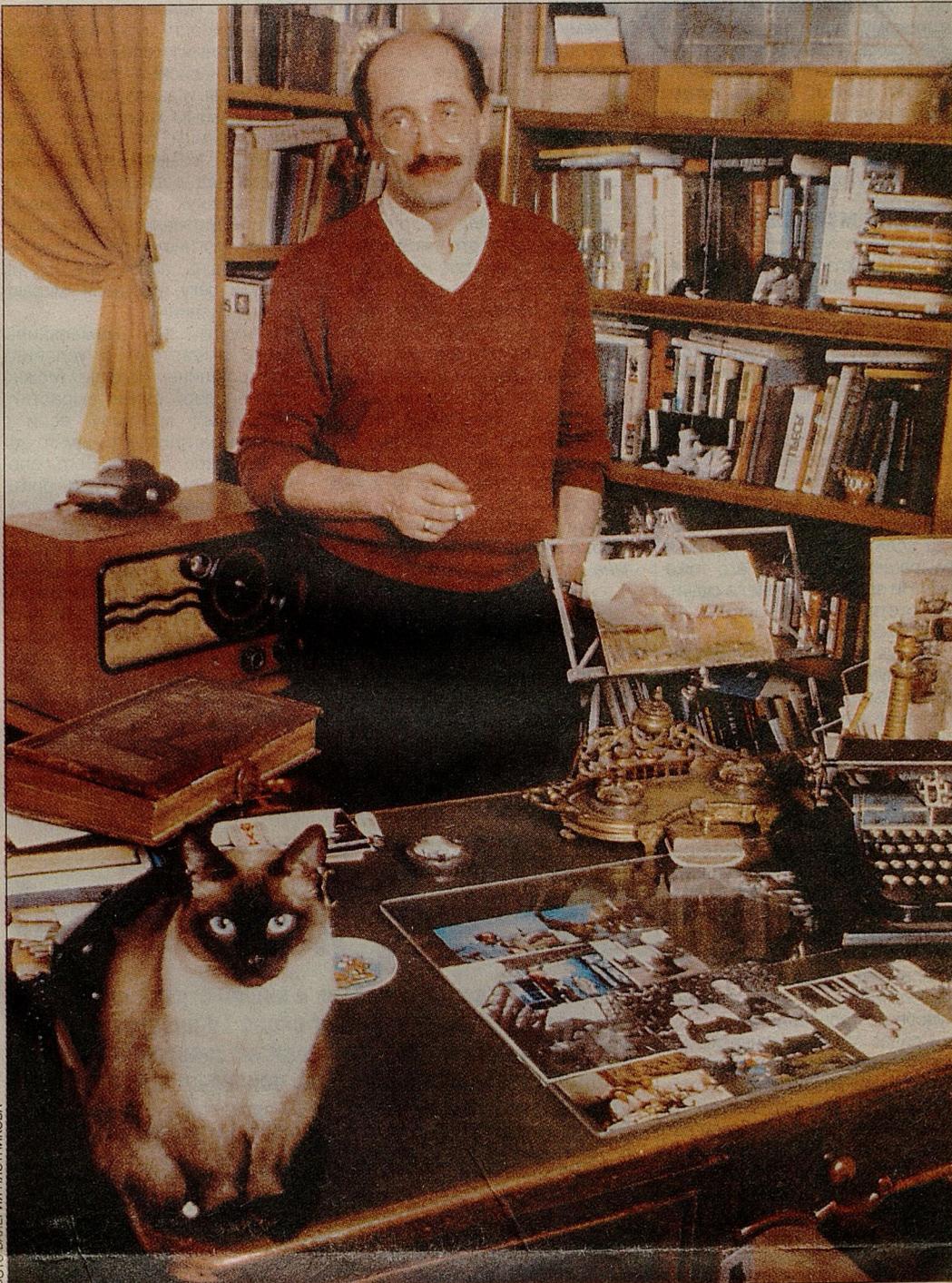
— Всегда кажется, что лучшее — последнее из написанного. В десятом номере «Знамени» опубликован отрывок из нового романа «Все поправимо». В декабре он выйдет в издательстве «Вагриус». Эта вещь представляется мне наиболее значительной из всего, что я написал.

— О чем она?

— Это жизнеописание героя, примерно моего ровесника, к 1952 по 2002 год.

— Герой похож на вас?

— В отличие от других моих романов этот совсем не автобиографический. В отличие от меня мой герой — человек денег, практической деятельности, но склонный к рефлексии в личной жизни. С детства он пытается выжить вопреки тяжелым обстоятельствам и в конце концов становится успешным предпри-

Все, как у классиков: кот, книги, пишущая машинка...

нимателем. Но для совсем новой нашей жизни оказывается непригодным. И в финале терпит крах.

— Почему новые вещи вы всегда отдаете в «Знамя»?

— Это хороший журнал, и я там пришелся ко двору. От добра добра не ищут.

— Когда-то вы заметили, что ваши читатели — это горожане: инженеры, младшие научные сотрудники, учительницы, их мужья, если таковые имеются...

— Я и сегодня так считаю.

Солженицын назвал их «образованчиной», а строго говоря, это советская интеллигенция. Я по происхождению советский итээровец и горожанин.

— Кто из соотечественников-коллег вам интересен?

— В интервью я никогда не раздаю оценок. Кого-то обязательно забудешь назвать. А всех упомянуть невозможно.

Скажу только, что очень спокойно отношусь к поколению авторов от двадцати до тридцати. Довольно внимательно слежу за тем новым, что появляется в

нашей так называемой серьезной литературе, однако не разглядывал там никого с большим литературным талантом. В прошлом году я был председателем жюри премии «Дебют». В конкурсе участвовали способные ребята, но и среди них я не заметил ничего сверхъестественного. Хотя, возможно, это мое старческое брюзжание.

— Но существуют же какие-то авторы, которых вы цените?

— У меня традиционные вкусы позднего шестидесятника. Есть

два писателя, которых я считаю своими прямыми литературными учителями. Первый — покойный Юрий Валентинович Трифонов. На мой взгляд, он совершенно незаслуженно выпал из современного литературного контекста. Рухнул мир, в котором он писал и который лучше всего изобразил, — забыли и о Трифонове. Второй, слава Богу, здравствующий Василий Павлович Аксенов.

И, конечно, как все русские писатели, считаю своими учителями наших классиков. В первую очередь, Бунина. Булгакова, автора не «Мастера и Маргариты», а небольших сатирических повестей.

— Вы не раз утверждали, что сегодня писатель не может заработать на жизнь литературным трудом. Какая работа, по вашему, для него приемлема?

— У меня 31 год журналистского стажа. Этим и зарабатываю на жизнь. Иногда даже с очень большим удовольствием. Знаю многих людей, которые достойно существуют благодаря второй, нелитературной профессии. На мой взгляд, это правильнее, чем сидеть дома, выдавливая из себя очередной роман и жаловаться, что не на что жить.

Зарабатывают литературным трудом десять-двадцать очень успешных в коммерческом плане авторов массовой литературы. Либо писатели, хорошо раскрученные на Западе.

— В столичном свете о вас сложилось мнение как о плейбое, знатке классического джаза и тонком ценителе вин, галстук и прекрасных дам. Это результат продуктивной работы или же случайность?

— Образ сложился сам собой и не к моей радости. Я краем успел захватить поколение стилига, хотя и младше их. Все мои пристрастия родом из 50-х. Тогда они были некой формой протеста против тоскливой советской власти, а потом остались на всю жизнь. Любовь к джазу, к настоящей, не советской одежде, достойным вещам...

Некоторое время на гребне известности после «Невозвращенца» я часто бывал в так называемом свете, который как-то быстро сложился у нас после конца советской власти. Но уже довольно давно всякий интерес к этому у меня пропал, много лет я нигде не бываю, за исключением литературных событий, на которых мне как профессионалу надо присутствовать. Например, обязательно хожу на букеровскую церемонию.

Беседовала
Татьяна БОКАРЕВА